НОВОИЕРУСАЛИМСКАЯ ШКОЛА: Германовы гимны Воскресению Христову

Е.Е. Васильева

Песнотворцы Новоиерусалимской (Никоновой) школы, создававшие свои *псалмы* в последней трети XVII в., забытые так основательно, что реальность их бытия и творчества стала открытием XX в.[1], а их творения, положившие начало русской поэзии и музыки Нового времени, до сих пор не обрели еще достойного места в научных представлениях и художественной культуре, не были отрицателями. Без громких манифестов и дискуссий они соединили вечное — Священное Предание — и временное — осознанные ими возможности песенной формы и соответствующих приемов композиции, пытливо познавая и усваивая уроки мастерства у нашедших приют в основанных Патриархом Никоном монастырях «литовцев» и «черкас»[2]. Устав Воскресенского, «Новый Иерусалим именуемого», монастыря сохранял одноголосные распевы в качестве основы богослужения[3], но монашеская жизнь как «высшее художество» допускала личное творчество, одной из форм которого было особое *псалмопение*, созидание духовной лирики, первых форм русской камерной музыки.

Настоящая статья продолжает серию описаний и публикаций новоиерусалимских псалмов[4]. На этот раз речь пойдет о произведениях архимандрита Германа, ключевой фигуры Новоиерусалимской школы[5]. Установленное авторство — достаточно редкий факт для того времени; в случае 14 Германовых псалмов оно закреплено акростихами. Среди подписанных текстов есть несколько групп, посвященных одной теме: Богородичные, Никольские, Воскресенские псалмы. И состав групп, и характер отношений произведений одной темы различны. Так, рассмотрение Богородичных псалмов в совокупности позволяет наблюдать развитие темы Благовещения в соотношении акростиха и струк-

---

[1] Открытие, совершенное А.В. Позднеевым, отражено в ряде статей и монографии: *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: Из истории силлабической поэзии. М., 1996.

[2] Описанию источников, историко-стилистической проблематике Новоиерусалимской школы посвящен ряд статей, опубликованных на протяжении последнего десятилетия. Укажем некоторые из них: *Васильева Е.Е., Заболотная Н.В., Кручинина А.Н., Шмидт В.В.* Патриарх Никон: традиция и современность (Русское певческое искусство второй половины XVII — начала XVIII веков // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. № 1–2 (38–39). С. 85–112; *Васильева Е.Е.* Никоновская (Новоиерусалимская) школа в контексте русской культуры XVII века // Человек верующий в культуре Древней Руси: мат-лы Международной научной конференции. СПб., 2005. С. 107–127.

[3] Это утверждение противоречит расхожему мнению о решительном предпочтении, оказываемом Патриархом Никоном «партесному стилю» в противовес отставленному ради него знаменному распеву. Устав монастыря (опубликован в 2004 г. в изд.: *Патриарх Никон.* Труды / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004. С. 752–782; версия в: Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси — созидание Государства Российского / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта, В.А. Юрчёнкова: в 3 ч. Ч. III: «Помянух дни древния...»: образы культуры XVII века. Археография / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта при участии С.М. Дорошенко, В.А. Юрчёнкова. М., 2010. С. 980–1027) и состав монастырской библиотеки, в которой партесные рукописи отсутствуют (основу ее составили «вклады» Святейшего Никона; ныне хранится как Воскресенское собрание в ГИМ), свидетельствуют о неоставлении традиции монодийного пения.

[4] В предыдущем сборнике по материалам Кирилло-Мефодиевских чтений опубликована статья «Песнь песней Новоиерусалимских песнотворцев».

[5] Герман — постриженик Патриарха Никона в Новоиерусалимском монастыре, келейник святейшего, уставщик, строитель, чернец, снова строитель и архимандрит, просивший вместе с братией царя Федора Алексеевича о возвращении духовного отца в монастырь, отпевший его погребение и написавший стихотворные эпитафии на гробницу. Имя Германа в акростихах позволило А.В. Позднееву совершить открытие Новоиерусалимской (Никоновой) школы. Поэтические тексты архимандрита Германа опубликованы в ряде антологий поэзии XVII в., все тексты см.: *Патриарх Никон.* Труды. С. 858–873.

туры основного текста, а также процесс вызревания музыкального тематизма[6].

Воскресенские псалмы посвящены теме, важнейшей для монастыря, с которым связана вся жизнь Германа. Они опираются на мотивы канона Пасхи и Слова на Пасху свт. Иоанна Златоуста, но в каждом псалме эти драгоценные основы развиваются по-своему. Сопоставление текстов показывает работу поэтического сознания, в самом общем смысле близкую развертыванию эпических сюжетов в версиях сказителей. Не останавливаясь на анализе композиции (этому посвящена особая статья[7]), заметим только, что благодаря различным соотношениям мотивов (*Радости день*, *Спасение крестом*, *Пир*, *чада Сиона*, *предстояние в молитве*) и развертыванию дополнительных образов (томление пленников в темнице, моление о «гласы пети нас созвавшего») явственно вырисовывается в этих поэтических текстах фигура лирического героя — духовного отца, *обители строителя*, ожидающего *разрешения уз*.

Далее приведены поэтические тексты в привычной для современного читателя графике. Такое изложение нарушает целокупную структуру Германовых псалмов — в рукописях новоиерусалимского круга ее воплощают: (1) музыкальная форма, вмещающая каждую из поэтических строф; (2) поэтический текст, написанный линиями-строфами под трехстрочной партитурой, и (3) акростихи, расположенные по вертикали столбцов, помещенных под соответствующими музыкальными фразами. Разделение единой формы сделано ради того, чтобы сосредоточить внимание на каждой из ее граней[8]. Тексты даны в современной литерации; проставлены отсутствующие в рукописи знаки препинания, титла раскрыты, диакритические знаки сняты. Выделены буквы, образующие акростихи-подписи (начальные буквы последних стихов). Основные акростихи, размещенные последовательно по определенным стихам строфы, в таком изложении не читаются; они приведены после соответствующих текстов, цифры в скобках дают ключ к нахождению их в поэтическом тексте.

I. Ангельскую днесь вси радость
Человеческую сладость
Приидите, возвеличим,
И о дни сем вси услышим.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Сей святый нареченный день,
В онь же Христос возврати плен,
Прежде лестию плененный,
Ныне же Крестом спасенный
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Сына Единороднаго,
Отцу сопрестольнаго
И Святому Духу купно,
Пребывающу несмутно,
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Воскресшаго днесь из мертвых,
Неразрушшаго уз тленных,
“Радуйтеся” вещавшаго
И печаль всю разрушшаго.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Тем новаго винограда,
Елико добрая чада,
Духовно возвеселимся,
Агнцем святым учредимся,
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Пиво новое пиюще,
Иисуса вси поюще.
Пребывши исперва в деле,
И недоспевшие к тех мере,
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Постившиеся достойно,
Приимите мзду безмолвно,
Яко рабы усерднии,
Ко Владыце усерднии.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Елицы же умедлиша
И с первыми недоспеша,
Не бойтеся медления,
Своего закоснения,
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

---

[6] См.: *Васильева Е.Е.* Образ Богородицы в творчестве архимандрита Германа (Никоновская школа) // Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. 2. СПб., 2005. С. 136–152.

[7] *Васильева Е.Е.* Три Воскресных гимна архимандрита Германа // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 253–262.

[8] Тексты приводятся по рукописи РНБ ОР. Пог. 426; перечень источников по Германовым псалмам см.: *Васильева Е.Е.* Новоиерусалимская школа песнотворчества (по рукописям Российской Национальной Библиотеки) // Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. 3. СПб., 2008. С. 181–182.

Благодаряще празднуйте
И со всеми торжествуйте,
Не лишающе ся манны
От небеси нам поданны,
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Радостию вопиюще,
Песнь веселую поюще:
“Светися, светися Новый
Иерусалиме добрый!”
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

И возведи очи своя,
Сионе, виждь чада твоя
Издалеча приидоша
И в радость твою внидоша.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

От запада собранная,
От севера избранная,
И от моря, и от юга,
Стояща окрест ти круга.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Господа славяща ясно
Елико мощно и гласно,
Рай нам ныне отверзшаго,
Мертвых всех воскресившаго.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Ангелов царя поюще,
На слушание зовуще,
Еже вняти молитвы глас,
Свободити Отца всех нас,
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Иже в житии сем сущих,
Его пастырства ждущих,
Напасти зде избавити,
А онде мук свободити
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*

Пастыря и всех пасомых
Извести в место питомых,
Со святыми купно быти,
Ангелом вечно сожити.
Аллилуиа, *аллилуиа*, *аллилуиа*.

Германе сие написа

II. Веселия день и спасения днесь,
Избранный во светлостех нам сей весь есть,
Понеже бо Христос Бог, врага поправ,
Гордаго же сатану узы связав,
Моления сам услыша убогих,
Чающи всех от адских мучений строгих,

От гроба, яко жених, искочи
Окрест, и сущия сети расточи,
И крепости сам не вреди гробныя,
Егда сниде в темности презелныя,
“Ох” зовущих от темности изведе
Еще же их и во царствие возведе,

Сущих от века умирающих всех,
Болезненный скончавших жития бег,
Созаключенных тамо от Адама,
Рода же всего его и Авраама,
Но и Ноя там с сыны стенящи,
Многою всех презелностью скорбящи.

“Когда, — зовущи, — приидет спасение,
Нам, сущим во узах, избавление?
Адския бо горести сокрушиша,
Многия и лютыя нас ломиша.
Алчбою вси спасения скончахом
И жаждою спасения истаяхом”.

Речения друг другу сицевая:
“От небеси да приидет избавляяй!”
Всегда сия точию глаголаху,
Ангельскаго цесаря сим моляху
Христа Спаса во скорбех, да приидет,
Неповинных от горестей да приимет.

Егда же Предтеча Спасов прииде
Возвести яко Слово к нам произыде:
“Единаго Бога всех Сын Единый,
Небеса же и всю тварь сотворивый,
Умалится, зрак раба на себя взят,
Единако нашему молению внят,

Скоростию сам приидет извести,
Любовию во ограду привести”.
Сицевая Предтеча возвещаше:
“Мало претерпите, — глаголаше, —
Христос сам приидет Спаситель,
Победивый диавола избавитель,

Еже радоватися всем принесет,
Елико имет ад, он всех изнесет,
Еще же и самого разрушивый,
Оковы диаволу наложивый”.
Радостию содержатся пророцы,
Радуются сего и праотцы,

Небеснии вси ангелы ликуют,
На земли и человеци пируют.
Людие и племена веселятся,
Любовию же сего содержатся
И, гласяще, воспевают песнь нову
Единому небеси и земли Богу.

И мы, Иерусалима жители,
Избранные чада и любители,
Явлшуюся днесь на нас препрославим
Яко ввек Его милость да похвалим,
Сицевая всем радостно зовуще,
Спасителю “Осанна в вышних!” поюще,

Его Воскресение празднующе,
Единому Тому торжествующе:
“Светися, светися ты днесь, Новейший
Иерусалиме честнейший!”
Тем моляще Христа Бога благаго
Творца сего явити от греха простаго.

Многою же любовию восстания
Молящи сподобити воздаяния
Явлшего нам здешнее убежище
Яже имать воскресшаго прибежище,
Апостолам сожителя да явит,
Ангельский царь в небо всех нас да приведет.

Того да сподобимся создателем
И обители нашей строителем
Почести воскресшаго наследити
И светлости святых нам получити,
Ко Господу очи имети бесконечно
Ангельские, пресвятые славы прелюбезно,
Радостию, благостию по Бозе жизни превечно.

Воскресением (1)
И обновлением (2)
Писа, веселяся, (3)
Герман, моляся, (4)
Монах у Христа (5)
Чем и не преста. (6)*
типикар

III. Радуйся зело, дщи Сионя!
Проповедуй Церкви Господня
Величие Бога нашего,
О Христе явленна бывшаго,
Толикаго Великаго, Всепредивнаго.
Днесь бо Христос Господь воскресе,
От тления всех совознесе.
Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа!

Ангелов в радость призывает,
Агнца заблудша обретает.
Его же бо лютая змея
Ненавистью изгна от рая,
От светлаго, и дивнаго, и веселаго.
Ныне же пришел Избавитель,
То исправи благий Спаситель.

Днесь, яко Жених от чертога,
Сниде от печатленна гроба.
Лютых стражей печать не руши
И крепости ада сокруши,
Работныя, и темныя, и горестныя,
Еликих имяху, изведе,
Человеков во светлость проведе.

Учеников Ангел исполни,
Чающих радости наполни
И рече веселием идти
К Галилеи, тамо видети
Животнаго, бессмертнаго, смерть поправшаго.
Шедша, видевша воскресшаго,
Еже разумети давшаго,

Испребывати неотложно
И способствовати неложно,
К правоверным всем обещася.
От небес же им хлеб подася
Единаго словеснаго и спасеннаго,
На земли за мир закланнаго
Нас ради Агнца избраннаго.

Сицевую радость мы зряще,
“Радоватися!” вси гласяще
И Сиону зовуще: “Прииди,
На зрение очи возведи
Собранная предобрая вся чада твоя!”
Иерусалиме, светися,
Агнца пищею насытися.

Яже днесь верных насыщает,
Юных и старых напояет.
И вы, новаго винограда,
Елико суть добрая чада,
Торжествуйте и ликуйте, и вси празднуйте,
Многу радость почерпающе,
Шума мирска отбегающе.

Елице от начала беша
Кия к третьему доспеша,
Любо и в шестом достигоша
Или в девятый приидоша,
Вечернюю единую и конечную
Сотворите, не лишайтеся,
И с первыми наслаждайтеся.
Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа!

Радостию вси ликующе,
Христом воскресшим празднующе,
Играюще о веселии,

* Здесь и при следующем псалме цифры в скобках указывают стих, по первым буквам которого читается та или иная часть основного акростиха.

Моляще о избавлении
От чюждаго, и скорбнаго, и печалнаго,
Нужнейшаго места извести,
Абие на первенство взнести
Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа!

Христу во службу собравшаго,
Гласы пети нас созвавшаго,
Еже жития веселаго,
Рая же онде блаженнаго
Малейшаго, краснейшаго, вседобрейшаго,
Ангелом купно стояния,
Небеснаго ликования
Отца приснаго сподобити
И нас злых мук свободити.
Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа!

Радуися (1)**, пастирю** (2) **велики** (3), **о Никоне** (4)**, торжеством днешним** (5), **отче наш** (6)
еклисиарх и монах Герман

Акростихи архимандрита Германа — особенно искусный план текста. В Воскресенских псалмах мы видим их различные функции и значения: *Ангельскую днесь* содержит только подпись (Герман сие написа), *Веселия день* — сокровенную молитву в особой поэтической форме и подпись (типикар); *Радуйся зело* — краткое, полное и точное изложение главной темы псалма и подпись (еклисиарх и монах Герман).

Строфика, стих и версификация трех псалмов разительно отличаются друг от друга. Первый, самый светлый и ясный — *Ангельскую днесь*, написан строфами, состоящими из двух пар виршей и рефрена, троекратной *Аллилуии*. Смысловые периоды обнимают целую череду строф, при этом рефрен при каждой строфе уместен (подобно хайретизмам в акафистах). Органично включаются реминисценции канонического текста; в композиции более всего развиты мотивы *Слова на Пасху*. 8-сложные стихи не имеют постоянной цезуры; рифма преобладает грамматическая, большей частью следующая из параллелизма пары стихов.

Драматическую композицию псалма *Веселия день* определяет огромная тирада о сошествии во ад — к узникам, томящимся в ожидании спасения. Эти мотивы практически отсутствуют в текстах канона и Слова. Сплетенные в единый поток горестные реплики плененных, речь провозвестника-Предтечи сменяет ликующая *песнь нова единому небеси и земли Богу*. В последних строфах возникает двоящийся образ Нового Иерусалима, небесного и земного, а вместе с ним — *создателя и строителя обители нашей*. Имя его не произнесено, но мощный посыл молитвы, ожидания и утверждения радостного исхода обрисовывает фигуру ссыльного Патриарха, возвращения которого так чаяла братия Воскресенского монастыря.

Строфа, состоящая из трех пар виршей, динамична, масштабна и разнообразна; стих неоднократно отступает от 11-сложной нормы. Напряжение создается благодаря переменности цезуры, несущественной для 1-го, 2-го и 5-го стихов, а в остальных перемещающейся (обращенной) — 7 + 4 (3-й и 4-й) и 4 + 7 (6-й). Это связано с музыкальной формой, о которой речь пойдет далее. Рефрена, который своим постоянством уравнивал бы строфы и вносил равновесие, в этом псалме нет.

Строфа *Радуйся зело* — самая большая и сложная. Между парами 9-сложных стихов помещен сложносоставной стих (4+4+5), части которого нанизаны на одну рифму; каждую строфу завершает троекратная *Аллилуиа*. Повествование уравновешенно и гармонично следует мотивам канона, сплетенным с аллюзиями евангельских стихов и Слова на Пасху. Воздвигается символический образ праздничного пира / литургии / трапезы верных, на котором возносят молитву об избавлении *отца*, *собравшего нас во службу Христу*, *созвавшего гласы пети*. Акростих содержит прямое обращение, по тому времени еще запретное: *пастирю великии*, *о Никоне*, *отче наш*.
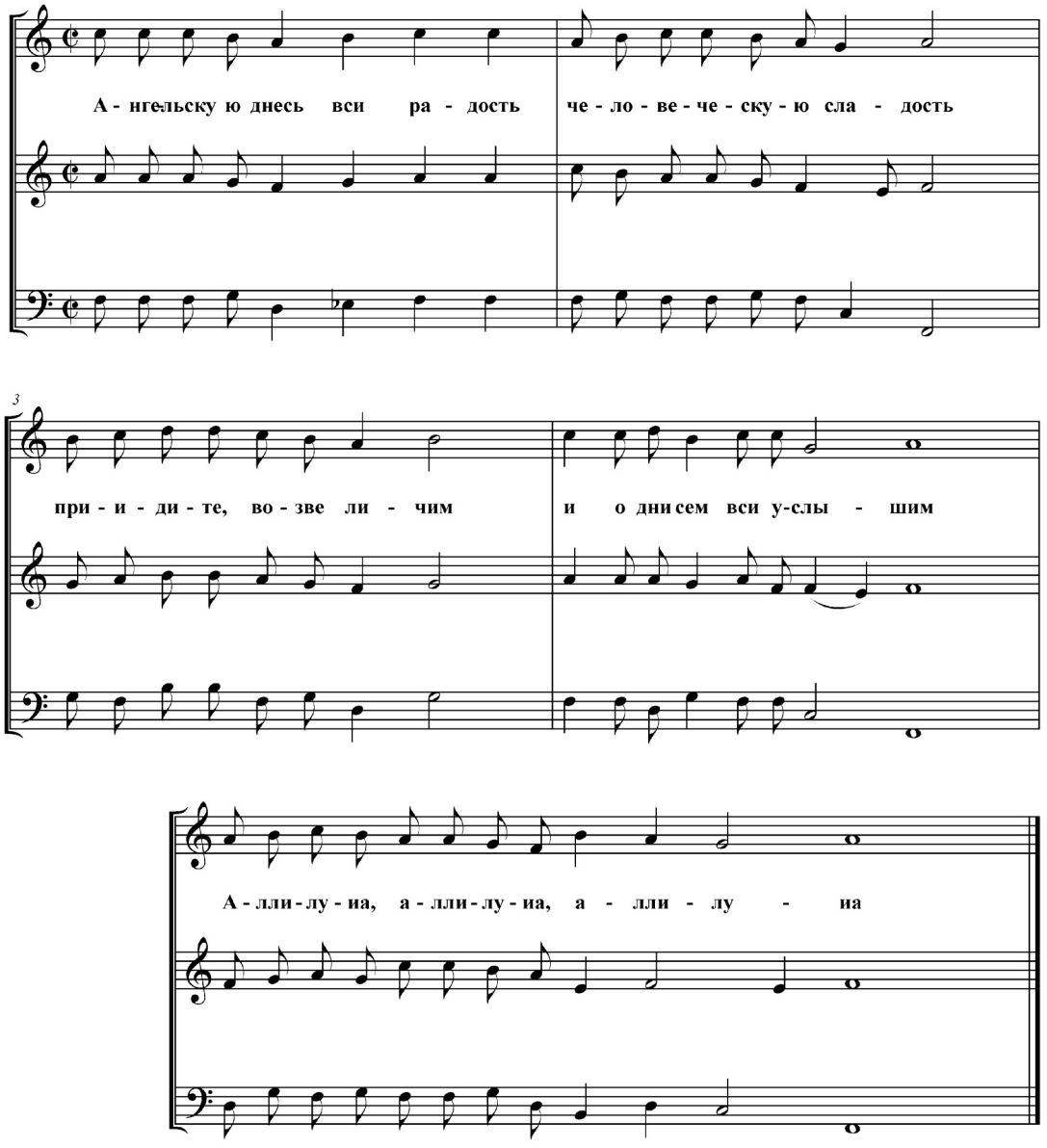
Обратимся теперь к третьему (а на письме — первому) плану текста, музыкальному. Псалмы новоиерусалимских песнотворцев созданы в одной форме — песенной (музыка соответствует одной строфе и многократно, по числу строф, повторяется) и одной фактуре — трехголосной, но в этих строгих рамках осуществляется удивительно многообразие.

Партитуры трех псалмов мы приводим в современной нотной графике и привычных ключах (верхние голоса в оригинале записаны в ключах — *до-*). В оригинале эти партитуры написаны киевской нотой и расположены одной нотной системой на развороте альбомного формата; ни одна строфа текста не вписана непосредственно под нотами. Подтекстовка, в имитационных разделах представляющая определенную трудность, выполнена нами для удобства чтения.

Партитура *Ангельскую днесь* — прозрачная, легкая. Живость и изящество задает обновление слого-

ритма: он меняется от стиха к стиху при неизменной протяженности звучания стиха. Мелодическая фигура, открывающая первую фразу, в начале следующей звучит в обращении, 3-я фраза подхватывает ее секвентным последованием. Еще одна секвенция, внутри 4-й фразы, дробит стих на три части-ступени; этот динамичный момент сглаживают мягкие интонационные волны рефрена.
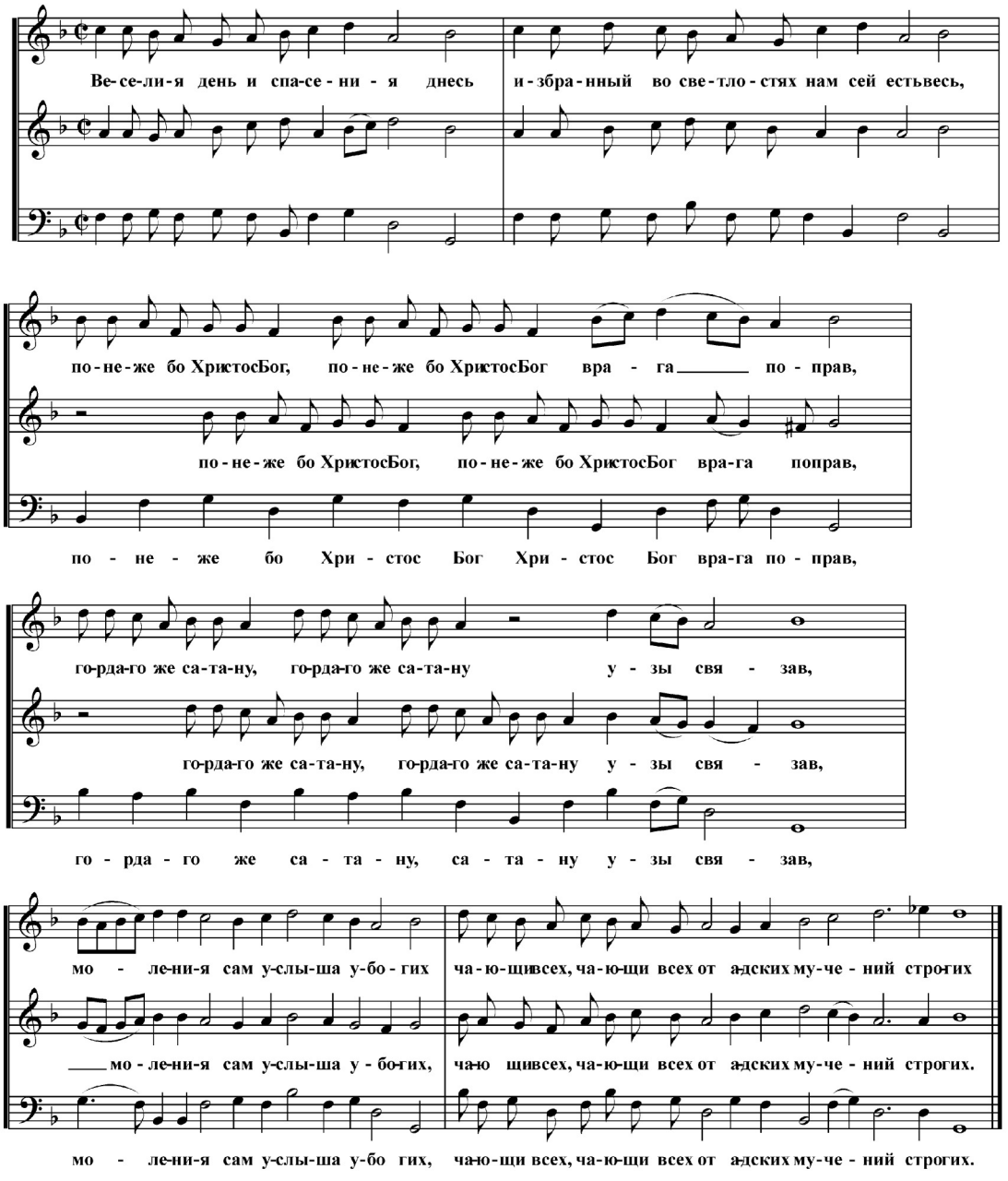
Ангельскую днесь вси радость

Партитура *Веселия день* — совсем иная. Это характерная для Германа большая мелострофа с двумя имитационными разделами; они следуют друг за другом, соответствуя 3-му и 4-му стихам. Бесконечные каноны верхних голосов положены на мерно шагающий бас. При этом в каноне участвует не весь 11-сложный стих: 7-сложная его часть звучит разновременно, в имитациях, а в 4-сложной все голоса собираются вместе. Именно этому обстоятельству обязана постоянная цезура в 11-сложном стихе. Между собой эти имитационные разделы составляют секвенцию на расстоянии; каденции их подобны, но вторая, в которой все три голоса движутся в едином ритме, более основательная и мощная.

Первые мелодические фразы образуют иную пару: одинаковый слогоритм служит основой для
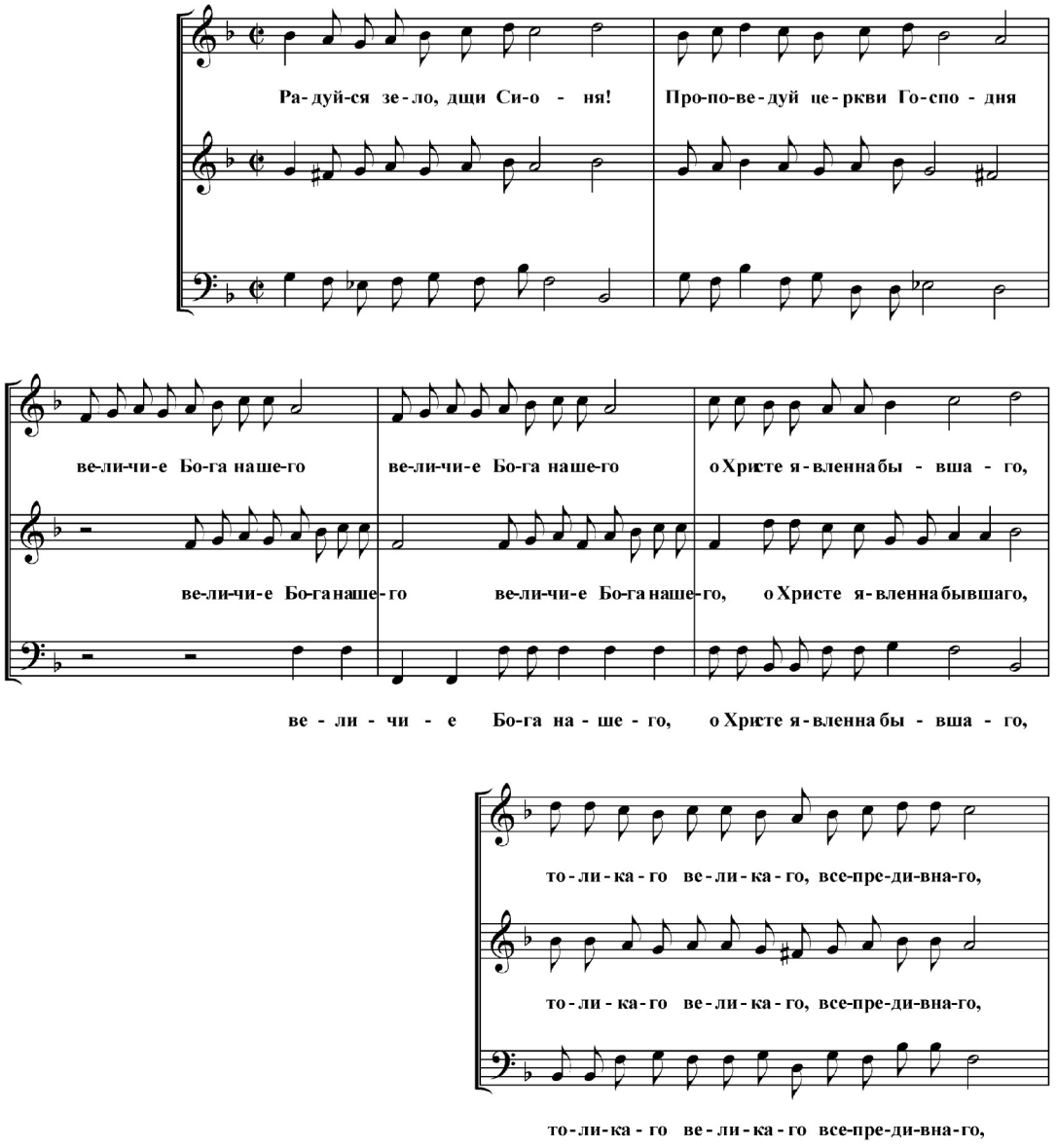
Веселия день
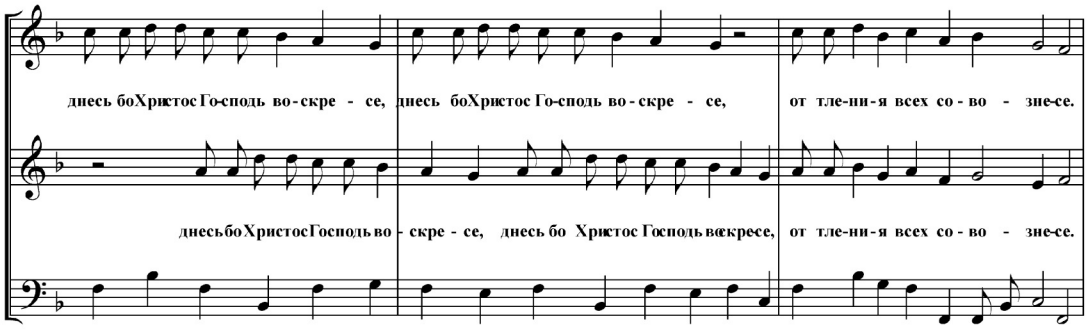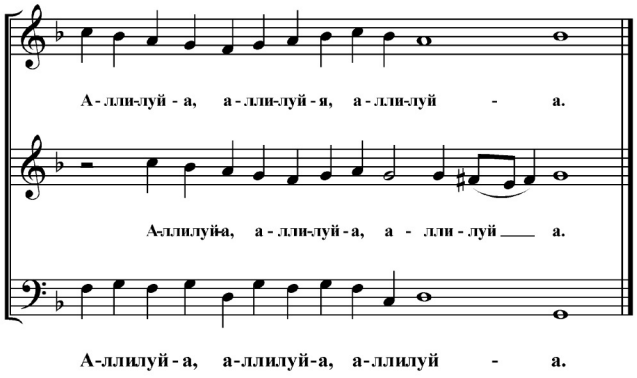

по-разному «выгнутых» мелодических фигур; подобные линии верхнего голоса в кадансах «перекрашены» нижними голосами. Последняя пара фраз объединена контрастом: противопоставлены восходящее и нисходящее движение инициумов, завитки кадансов. Особенно ярко и необычно завершение строфы — страдальческое опевание квинты останавливает секвенцию, инициирующую повтор 4-сложного начала последнего стиха (таким образом подчеркнута цезура 4+7).

Партитура *Радуйся зело* — еще одно воплощение большой Германовой строфы. В ней три имитацион-

Радуйся зело, дши Сионя

ных раздела, которые решены и размещены иначе, чем в *Веселия день*. Раздел, соответствующий 3-му стиху, вовлекает в имитацию весь 9-сложный стих, он вздымается восходящими волнами, продолженными следующей фразой-стихом. Сложносоставной стих приплясывает, как секвенция в последнем стихе *Веселия*; после него — еще поток имитаций, нисходящими волнами несущих 9-сложный стих. Завершение образуют упругие краткие мотивы последнего, 6-го стиха. Рефрен *Аллилуиа* также имитационный, он уравновешивает беспокойный и дробный мелодический рельеф плавными, идеально сбалансированными дугами-крыльями.

Таким образом, все конструктивные моменты Воскресенских псалмов архимандрита Германа с удивительным разнообразием и изобретательностью разрабатывают неисчерпаемую тему. Их можно рассматривать и в качестве цикла, части которого крепко соединены благодаря контрастам и постепенному укрупнению формы. Если мысленно сопоставить эти творения, безупречно выдерживающие и развивающие православное Предание, с пасхальной службой, оформленной традиционными монодийными распевами или сочиненным Николаем Дилецким* в духе партесных концертов «Воскресенским каноном», становится очевидным тот решающий шаг, которым начинается личное творчество композитора Нового времени, основанное на целеустремленном и ответственном поиске наилучшего воплощения идеи.

© Васильева Е.Е., 2011

* Николай (Миколай) Дилецкий — композитор, автор первого теоретического руководства по композиции («Мусикийская грамматика»), активно участвовал в музыкальной жизни России конца XVII в. В частности, бывал и учил в Новом Иерусалиме — одна из рукописей Новоиерусалимского круга содержит пометы о «Миколаевой справе». Воскресенский канон полностью положен им на музыку аккордово-гармонического склада. Предположение о предназначенности этого сочинения для службы в Новоиерусалимском монастыре не имеют подтверждения.